

УДК 94 (3):2-5 (575.2) (04)

ОМАР ХАЙЯМ В КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

В.Д. Горячева – канд. ист. наук, доцент

Turko-Iranian cultural phenomenon of Central Asia is represented in the article on example of art of Omar Hayam.

Научное и поэтическое творчество Омара Хайяма, казалось бы, получило многостороннее освещение в литературе, прослежены мельчайшие детали его биографии и вклад в мировую культуру. И тем не менее, открываются новые факты, позволяющие ярче отразить величие и значение иранского мыслителя и философа, в частности на северо-востоке Средней Азии и Казахстана.

Как археолог-медиевист приведу несколько артефактов, извлеченных во время раскопок и разведок на городищах Краснореченском, Бурана (отождествлены мною соответственно с Навекатом и Баласагуном), в Узгене и Сафед-Булоне. Это были крупные города в древнетюркских (сер. VI – сер. X вв.) и караханидском (X–XII вв.) каганатах, хорошо известные на средневековом Востоке. Караханидское государство составляло восточную периферию исламского мира, переживающего в IX–XII вв. небывалый подъем культуры, удачно определенный А. Мецем как “Мусульманский Ренессанс” [1: 3–4]. Ближний Восток к началу XIII в. стоял на пороге капиталистических отношений, однако последние походы крестоносцев и монгольские нашествия надолго прервали этот процесс.

В средние века на Тянь-Шане появляются новые явления культуры, такие, как повсеместное применение различных систем письменности, возникновение древнетюркской литературы, исламский “ассортимент” прикладных искусств. Нельзя не упомянуть о культуре управления народом, правилах этики и мора-

ли, зафиксированных в литературных и философских трактатах тюркоязычных ученых – Абу-Насра ал-Фараби, Махмуда ал-Кашгари, Юсуфа ал-Баласагуни – в первом мусульманском тюркском государстве, каковым был Караханидский каганат.

В каганате знали и любили *руба'и* Омара Хайяма, они как жизненные сентенции впитались в арабо-персидскую вязь эпиграфических орнаментов караханидских мавзолеев. Например, текст на тимпане арки южного Узгенского мавзолея: “Этот мир – нива будущей жизни” перекликается с хайямовским определением быстротечной жизни: “прибежище немногих наших дней”. Эпитафия одного из надмогильных кайраков XIII в. у мазара Клыч Бурхана в Узгене содержит два четверостишия типа *руба'и* Омара Хайяма (с рифмой а-а-б-а), одно из которых исполнено на арабском, а второе – на фарси. Размер стихов к сожалению, не прослеживается.

Арабист В.Н. Настич и пранист В.К. Шуховцов предлагают чтение и перевод как предварительные:

- (1) Каждая
- (2) вещь гибнет,
- (3) Кроме Его лика. У него
- (4) решение, и к нему вы будете возвращены.
- (5) В этой кибле... могила
- (6) светоча имамов, Бурхана Мухаммада,
- (7) милостливого, покорного радеющего; нет [более] искреннего

(8) воздаянием, чем он, он – царь, владыка вечности (?)

(9) Этот усопший – Бурхан,

(10) муфтий, указующий путь, и султан –

(11) ушел от нас в обитель брэнности!

(12) Надгробие высек писец Ну'ман.

(13) [Из] мира, помнящего душу твою, и [от] нас ты ушел.

(14) “Среди людей не осталось любви (?)”, – сказал ты.

Эта надпись на кайраке “имама, маулана, шейха великого, прославленного, высокочтимого, тени Аллаха на земле” Бурхан ал-хакк ва-д-дина ал-Килиджа ал-Узджанди (датировано 17 зу-л-хиджа 695 г.х. – 16 октября 1296 г.) выполнена не ранее XIV в. с мемориальной целью, как своеобразная дань памяти и почтения давно умершего шейха [2: 176-177].

- (I) كل
 (2) شىء هالك
 (3) الا وجهه له
 (4) الحكم واليه ترجعون
 (5) فهذا (!) قلبه بدقد (?) مرقد
 (6) ضيا الائمة برهان محمد
 (7) لطيف طبع (!) ذاکر ماصدوقا
 (8) جزاء الا هو هو ملكد صرابد (?)
 (9) اين خاوند مرك برهان
 (10) مفتى رهناء (?) هم سلطان
 (II) رفت از دست ما بدارفنا
 (12) لوح را کند کاتب نهمان
 (13) جهان یادکار لبث وما (?) رفتی
 (14) زمردم نمائد بچمن (?) گفتی

Мусульманская хиджра известна на Тянь-Шане с середины X в. (в Фергане с VIII в.) в связи с принятием ислама в государствах древних тюрков. “Мусульманской эрой” датированы почти все сохранившиеся на территории Кыргызстана и Казахстана памятники архитектуры, надписи на надгробиях и кайраках, предметах быта, монетах, выпускаемых Караканидами, затем – Джагатаидами и всеми по-

следующими династиями, включая кокандских ханов. Этой системой летосчисления пользовалось подавляющее большинство городских жителей на Тянь-Шане.

В.Н. Настич, исследовавший эпитафии на надгробных памятниках Кыргызстана, отметил уже для средневековья ряд попыток соединить лунную “эру Пророка”, крайне неудобную в быту и хозяйственной деятельности, с солнечным календарем (в том числе и официальным, как, например, “эра Джалили”, более известная как “календарь Омара Хайяма”). Надпись на кайраке из Баласагуна, датированная началом XIII в., является первым определенным свидетельством такого рода. Она полностью составлена на тюркском языке, но арабскими буквами: “Это могила ‘Умара, сына хлебопека ‘Алий. Умер по тәриху в шестьсот третьем году, по-тюркски – в год обезьяны. Пусть [его] помянут в молитве!” [3: 116–117].

Помимо своей уникальности, эпитафия ценна и как точно датированный и локализованный источник по истории языка, надо полагать, карлукской группы, в которую в средневековье входили наречия племен ягма, тухси и др., отмеченные на данной территории Махмудом ал-Кашгари в XI в. Однако самым необычным и важным фактором является упоминание в тексте двух не совпадающих между собой дат – по мусульманской эре и по 12-летнему животному циклу: год 603 по лунной хиджре соответствовал августу 1206 – июлю 1207 г. н.э., тогда как “год обезьяны” по традиционному счету должен приходиться на годы 1200, 1212, 1224 и т.д. Иначе говоря, налицо максимально возможное расхождение в датах, если переводить их общепринятым способом. Поэтому В.Н. Настич допускает, что вместо 603 года по лунной хиджре указан год 603, но по солнечному календарю, приходящемуся, таким образом, на 1224 – начало 1225 г. и совпадающему с одним из “годов обезьяны”.

Тюрки знали календарь Омара Хайяма, знали его трактаты, в частности о календарных обрядах и праздниках иранцев, особенно Наврузе (Ноорузе). Этот праздник, как циклическое начало летосчисления со дня весеннего равноденствия, является тем временным промежутком, когда завершены работы уходящего года и начинается подготовка к сельскохозяйственным работам нового цикла; это свое-

образная грань между прошлым и будущим. Для большинства народов Новый год – это точка отсчета возраста человека, “всеобщий день рождения” (независимо от возраста младенца с наступлением Нового года ему прибавлялся год). Уже с глубокой древности Новый год праздновался как всеобщий праздник, а с укреплением государственности – это семейный праздник, связывающий каждого человека с его родными, с живущими и умершими предками.

По преданию, Навруз понравился Пророку Мухаммеду, и первые арабские халифы широко распространили этот праздник в халифате, отмечая его очень пышно. Навруз относится к празднествам, сложившимся на основе древнего культа умирающего и возвращающегося божества. Причастность Навруза к аграрному культу выражалась в таком ритуальном действии, как шествие с цветами – “праздник красной розы”, связанный с древнейшим культом умирающего бога, кровь которого якобы появляется ежегодно в кроваво-красных лепестках розы.

Характерно, что танцы и борьба происходили вокруг костра, при свете его пламени. На музыкальных инструментах (бубен, дойра и варган) играли только девушки и женщины, а танцевали и пели юноши и девушки, иногда выходили танцевать и старики. Празднество длилось до полуночи.

По обычаю предков для приема гостей в честь Навруза на дастархан ставили семь яств, названия которых должны были начинаться на букву “ш” (арабский “*шин*”), а праздничные блюда привычно назывались “семь шинов”: молоко (*шер*), чай с молоком (*широб* или *ширгай*), молочная рисовая каша (*шир биринч*), варенье из сока тутовника (*ширни*), халва из перемолотой муки, сахарного сиропа или сиропа из ягод тутовника, молочный суп с тыквой (*шир кади*). Молоко символизировало чистоту, чай (вода) с молоком – источник всего живого, молочная каша – довольство, халва – дружбу, варенье из сока тутовника – плодородие, молочный суп – радость жизни. На край дастархана ставили свечу – знак почитания огня – и клали гребень, символизирующий женскую красоту.

По окончании 3-го дня празднования Навруза начинался новый месяц – Халал, о котором говорят: “Что посеешь, то и пожнешь”.

Навруз с самого начала был народным праздником, днем пробуждения весны и начала земледельческих работ, о чем свидетельствуют сообщения древних авторов. “Тот, кто в день Навруза празднует и веселится, тот будет жить до следующего Навруза в весельи и наслаждении”, – писал Омар Хайям [4: 189].

Веселье и наслаждение, вино и девушки – излюбленная тема его поэтических произведений. Исследователи творчества Омара Хайяма истолковывают эту тему по-разному, часто напрямую называя его “пьяницей и гулякой”, совершенно упуская такие понятия, как аллегория, отход (в мыслях) от суровой действительности и т.д. Трудно представить пьяницу таким долгожителем, каким был поэт (при средней продолжительности жизни на средневековом Востоке 32–36 лет!), и великим трудолюбом!

Но вино иранцы действительно любили, выращивали с древнейших времен лозу и прославились на весь мир разнообразием выведенных ими сортов винограда и вин. Вряд ли с принятием ислама иранцы враз отказались от вековой традиции, закрепленной прежними религиями (маздеизмом, зороастризмом, манихейством). В Семиречье, где ислам стал закрепляться только со второй половины X в., виноград был одной из основных агрокультур, а вино – предметом торговли, товарообмена и официальных подношений (дани) тюркским правителям, а также танским императорам.

При археологических раскопках чуйских городищ в разные годы находили керамические сосуды большой емкости – хумы на 200–300 л с остатками виноградного сула. Нередко на венчиках хумов даритель писал (заказывал гончару) соответствующую дарственную надпись или благопожелание. Вино подносили от согдийских общин городов – каганам, христианским и манихейским наставникам с пожеланием типа: “...в радостное время пей, государь... Алп Бильге...”; “...для учителя Йарук-тегина...пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь!” и т.д.

Совершенно замечательна надпись на венчике хума из последних находок на Краснореченском городище. Она непосредственно относится к теме нашей статьи. В 1988 г. на колхозной ферме, расположенной на городи-

ще, провалился трактор, как оказалось, в глубокое винохранилище вблизи рва городской стены. Конечно, почти все хумы разбились, но среди 3-х уцелевших был хум с надписью, которую совсем недавно расшифровал иранист В.А. Лившиц.

Надпись, вырезанная по краю венчика поздним каллиграфическим согдийским курсивом, характерным для семиреченских памятников VIII – начала IX вв., содержит одну круговую строку: “Тот, кто никакого ущерба не заметил, тот... также богатства не увидит. А (потому), о человек, пей! (вино)”.

В.А. Лившиц пишет: “Надпись содержит аллитерацию: *šmār-xwār*, возможно, стихотворную (до сих пор известно лишь несколько образцов согдийских манихейских стихов, тонических по структуре – основанных на чередовании ударных и безударных слогов и не имеющих рифмы). Поразительная близость содержания надписи, начертанной анонимным согдийским автором, к мотивам рубаи Омара Хайяма, жившего позднее, но в своем творчестве, как отметил В.А. Жуковский (1897), отразившего сложную историю создания лирических и философских четверостиший в персидской поэзии. Я не смог найти среди рубаи Хайяма точного смыслового соответствия тексту согдийской краснореченской надписи, но можно предполагать, что поэтический жанр, близкий к рубаи, был известен согдийцам уже в VIII–IX вв.” [5: 55–56].

Согдийская надпись на венчике хума. Краснореченское городище. находка 1988 г.

Этот тезис блестяще подтверждает творчество великого танского поэта VIII в. Ли Бо (701–762). Он был сыном военного полководца, женившегося на согдианке – иранке в Суябе (городище Ак-Бешим). По другой версии, отцом Ли Бо был китайский купец. Жил и творил Ли Бо в эпоху расцвета танской культуры в южной столице Китая – Лояне, детство и юность провел в провинции Сычуань. Служил при дворе чиновником, одно время был даосским отшельником. Однако не мог не жить среди людей и природы, много путешествовал. Ли Бо был поэтом-вольнодумцем, любителем вина, который, “выпив три бокала, сливается с природой...”:

“Говорю я тебе:
От вина отказаться нельзя, –
Ветер прилетел
И смеется над трезвым, тобой”
“Все мы смертны.
Ужели тебя не прельщает вино?
Вспомни, друг мой, о предках –
Их нету на свете давно...”

Ли Бо, VIII в.

Возможно, согдийская кровь Ли Бо сказывается в его приверженности к иранским традициям, а поэзия сродни творчеству великого Омара Хайяма. Хотя ханьцы тоже обожали вино, именно виноградное, ставшее известным с момента знакомства их с Западным краем – от Турфана до Согда и Тохаристана.

Чжан Цянь (II в. до н.э.) завез лозу винограда из Ферганы в Хань, где она была высажена в столице, но плоды выращивались в ограниченном количестве, только для еды императоров. Рос виноград и в окрестностях Дуньхуана, но урожай был незначительным, а виноградное вино – экзотическим напитком.

Более всего ценили сорт винограда “кобыльи соски” и вино “восемь цветов (т.е. разновидностей) вина”. Им посвящали стихи танские поэты. Старая энциклопедия “Бо у чжи”, содержащая множество рассказов о чудесах, сообщает: “В западных странах имеется виноградное вино, которое не портится годами. Народное поверье гласит, что вино годится для питья в течение десяти лет, но если его пить после того, опьянение не проходит целый месяц и лишь потом от него можно избавиться” [6: 195–196].

В эпоху Омара Хайяма оформилось книжное дело тюрков, связанное с развитием их собственной письменности, а также употреблением арабской графемы для передачи тюркской речи уйгурским письмом или сирийским (в зависимости от религиозной принадлежности текста – буддийского, христианского или манихейского). Все они написаны не позднее XIII в., но и не ранее VIII–IX вв. и представляют собой прозаические и поэтические сочинения. Среди них встречаются молитвы, гимны, предписания религиозного содержания, эпитафии, историко-героические поэмы, назидательные притчи и рассказы. [7: 40–64].

Широко известна переводческая деятельность сирийцев и иранцев в тюркском мусульманском мире, благодаря чему исламский мир приобщился к обширному кругу философских идей эллинистической традиции (Платона, Аристотеля, неоплатоников, стоиков и неопифагорийцев). Наибольшее распространение получили идеи Аристотеля, выработалось целое направление философии (араб. *фальсаф*), которое представляли философы-перипатетики.

В политической литературе господствующими направлениями стали учения об “идеальном государстве” или “добродетельном городе”. Крупнейшим из философов-энциклопедистов второй половины X в. был Абу Наср ал-Фараби ат-Турки (около 870–950 гг.), сын тюркского военачальника, родом из г. Фараба (Отрара). Первоначальное образование Ал-Фараби получил в своем родном городе, продолжив его в Бухаре, Дамаске, Багдаде. Он, как никто до него из тюрков, не только освоил наследие иранских ученых, но и сумел донести его до народов Центральной Азии. Ал-Фараби написал ряд оригинальных сочинений и многие ученые средневековья считали его своим учителем. В комментариях к “Метафизике” Аристотеля, “Об основных идеях философии”, “О взглядах жителей современного города” и в других трудах Ал-Фараби рассматривает ряд важнейших вопросов о сути познания, природе человеческого общества, о происхождении государства, а также причинах социального неравенства. Эти же темы затрагивает в своих сочинениях и Омар Хайям, но на столетие позже.

В эпоху Омара Хайяма в далеком Семиречье трудился великий тюркский поэт, ученый-

энциклопедист родом из Баласагуна (Бураны) – Юсуф хас-хаджиб. Его представления о государстве и правителях даются уже для иной эпохи – середины и второй половины XI в. – времени безраздельного господства тюркоязычных племен в городах Центральной Азии. Этико-моралистическая направленность эпического сочинения, названного автором “Наука быть счастливым” (или “Благодатное знание”) отражает “вечные истины” и вневременные нравственные ценности: понятия об идеальном государе, о преданных слугах, о пользе добра и т.д. в духе дидактического жанра сочинения, основанного на “изречениях мудрецов” – иранских поэтов, “добродетельных мужей” Чина и Мачина [8: 518–538].

Исследователи литературного наследия Юсуфа ал-Баласагуни считают, что через Рудаки Юсуф испытал влияние суфизма. Суфийское миропонимание достаточно четко представлено в “Кутадгу билиг”, хотя суфийские мотивы могли проникнуть в творчество поэта и помимо Рудаки. Многие сентенции Юсуфа ал-Баласагуни содержат морально-этические нормы того времени, перенесенные через арабо-персо-таджикскую поэтику в тюркскую среду [9: 102–103].

И.В. Стеблева некоторые стихи Махмуда ал-Кашгари также оценивает как самые ранние образцы тюркоязычной суфийской поэзии, поскольку “суфизм был одним из важнейших идеологических течений, которое оказало значительное влияние на общественно-политическую мысль этого периода. Это течение было сложным и неоднородным, в нем нашли отражение как прогрессивные, так и реакционные ориентации. Идейными источниками суфизма были неоплатонизм, индийские теософские системы, разные сектанские течения ислама...” [10: 65].

В Семиречье, как и Мавераннахре, шел параллельный процесс становления тюркской литературы и развития литературы на дари (фарси), между которыми существовала тесная связь. С конца X–XI в. восточным форпостом мусульманской учености становятся города Баласагун и Кашгар. В столичных городах получили развитие математика, астрономия, медицина, философия, логика, литература. Кашгар стал центром высшего образования, где

действовала “Сажийа мадрасаси” (“Излучающая мадраса”), в которой воспитывались многие прославившиеся ее выпускники.

Известны труды кашгарских ученых: Имадина ал-Кашгари, автора книг “Шархи элканун” (“Толкование закона”) и “Шархи шипа” (“Толкование исцеления”), Мухаммеда ал-Яркенди – автора сочинения “Зияул кулуб” (“Лучи сердца”). Известно имя кашгарского ученого, историка и богослова, мударриса Хусейна ибн Халапа. О нем, как о своем учителе, с уважением и теплотой пишет Махмуд ал-Кашгари. Имя другого историка и автора “Истории Кашгара” – Абдужапар ал-Кашгари. Известны труды по богословию, правоведению, литературоведению, языкознанию, философии и другим наукам средневековой эпохи [7: 96].

Баласагун также славился своими учеными-богословами, законоведами, просвещенными шейхами, о чем стало известно из эпиграфий на кайраках [11: 221–234]. Отец Джемалы ал-Карши был известным ученым-хафизом в Баласагуне во второй половине XII в. Сам автор “Мулкахат ас-Сурах” – “Прибавлений” к известному в то время “Словарю” X в. ал-Карши перечисляет десятки именитых людей из отчего города, чем вызвал в свое время искреннее удивление автора “Тарих-и Рашиди” Мирзы Хайдара (начало XVI в.). Он обвиняет Джемалю Карши в пристрастии к своему родному городу Баласагуну, где проживало выдающихся деятелей столько, что даже “трудно понять, как в одном городе в одно и то же время могло быть столько замечательных людей” [12: 155].

Эпоха Омара Хайяма, Юсуфа ал-Баласагуни, Махмуда ал-Кашгари (а вместе с ними в одном ряду стоят Рудаки, Саади, Хафиз, Фирдоуси) – воистину эпоха восточного Ренессанса, когда в обширном иранском и тюркском мире происходила великая трансформация ментальности, обеспечившая взлет

науки, философии и литературы, оставившая нам бесценное культурное наследие.

Литература

1. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем.; Предисловие Д.Е. Бертельса. – М.: Изд-во “ВиМ”, 1996.
2. *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Узгена XII–XX вв. // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе: Илим, 1983.
3. *Настич В.Н.* К истории календаря в средневековом Семиречье // Инф. бюлл. МАИКЦА. Спец. выпуск. – М.: Наука, 1987.
4. *Омар Хайям.* Трактаты / Пер. Б.А. Розенфельда. – М.: Наука, 1965.
5. *Ливищ В.А.* Предшественник Хайяма в Семиречье в VIII–IX вв. // Диалог цивилизаций. – 2004. – №1 (4).
6. *Шеффер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Пер. с англ. – М.: Наука, 1981.
7. *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). – Бишкек: Илим, 2004.
8. *Иванов С.Н.* О “Благодатном знании” Юсуфа Баласагунского / Прил. к изданию: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983.
9. *Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. – М.: Наука, 1971.
10. *Касымжанов А.Х., Мажиденова Д.М.* Очарование знания. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
11. *Нарынбаев А.И., Касымов А.* Мировоззрение Юсуфа хас-хаджиба Баласагуни // Общественно-философская мысль народов Средней Азии. – Бишкек: Илим, 1991.
12. *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана: Киргизия при Караханидах. – Фрунзе: Илим, 1983.
13. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. V. – М.: Наука, 1968.